

Иногда проводились малоубедительные аналогии между общественным строем Византии и средневековым Китаем. Причем «китайская модель» рисовалась своего рода эталоном восточного государства, покоящегося на всеобщем рабстве, государственной собственности и продажной бюрократии²².

Однако далеко не все исследователи в Европе и Америке признают, даже с оговорками, подобное сближение Византии с Востоком. Так, Д. Закитинос с полной определенностью констатирует общность путей развития Византии и Запада, подчеркивая, что Византия принадлежит к европейскому сообществу²³. Естественно, попытки применить к феодализму в Византии то западноевропейские мерки, то восточные эталоны обычно заканчивались неудачей. Альтернатива «Запад или Восток», искусственно созданная для Византии в современной науке, постепенно теряет своих сторонников. Все сильнее звучат голоса, доказывающие, что концепции сближения или противопоставления Византии Западу или Востоку отнюдь не взаимоисключают, а, наоборот, дополняют друг друга. Не восточный или западный путь общественного развития Византии, а изучение общего и особенного в исторических судьбах империи по сравнению со странами как Западной Европы, так и азиатского Востока — вот идея, все более и более завоевывающая умы исследователей.

В советской историографии, при наличии известных расхождений по частным вопросам, все историки единодушны в признании теории феодального развития Византии. Советские ученые понимают под термином «феодализм» особую общественно-экономическую формацию, социально-экономическим базисом которой является феодальный способ производства с присущей ему системой эксплуатации непосредственных производителей господствующим классом. Феодальный способ производства определяет характер всей политической, правовой и идеологической надстройки общества, но и сам подвергается с ее стороны постоянному воздействию. Если для многих буржуазных ученых феодализм — совокупность определенных политических институтов (сочетание вассалитета и бенефиция), наличие феодальной иерархии и личностных связей, соединяющих правовыми и морально-этическими узами сеньора и вассала, то для историков-марксистов феодализм — прежде всего определенная стадия развития производительных сил общества, связанная с преобладанием аграрной и натурально-хозяйственной экономики, господством крупной земельной собственности, основанной на эксплуатации крестьянства, которое находится в личной или поземельной зависимости от землевладельцев. Поэтому советские византилисты, изучая феодальные отношения в Византии, обратились к анализу таких глубинных процессов, как развитие производительных сил, формирование феодальной собственности, формы эксплуатации крестьянства, роль общины, воздействие государства на становление феодализма, классовая борьба народных масс²⁴. Многолетние исследования привели их к выводу о том, что феодализм отнюдь не был исключительно западноевропейским феноменом, а закономерной стадией развития

выдвинула веские аргументы в подтверждение своего мнения; см. *H. Antoniadis-Bibicou. Byzance et le mode de production asiatique.* — «La Pensée», № 129, 1966, p. 47—72.

²² Подобная точка зрения была высказана американским профессором К. В. Холлистером на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве. Холлистер ставил под сомнение наличие в Византии феодализма, ибо в империи не было развитой феодальной иерархии, вассальной армии, субинфеодации и сохранилось централизованное государство. Аналогичные явления несколько в модифицированной форме имелись и в Китае. См. *З. В. Удальцова. Генезис и типология феодализма.* — СВ, 34, 1971, стр. 19; *K. Wathanabe. Problèmes de la «féodalité» byzantine*, vol. 5, p. 32.

²³ Вместе с тем Д. Закитинос без достаточных оснований отрывает славян от европейского мира.

²⁴ *З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет.* М., 1969, стр. 49—101, 165—229.